

КОМПАРАТИВНІ ДОСЛІДЖЕННЯ ЛІТЕРАТУРИ

УДК 821.161.1

Н.Л. БЛИЦ,
*кандидат филологических наук,
докторант кафедры русской литературы
Белорусского государственного университета*

МИФ А. РЕМИЗОВА О ВИЙНОЙ ТАЙНЕ Н. ГОГОЛЯ

Статья посвящена интерпретации А. Ремизовым гоголевского образа, согласно которой Вий – это персональный миф Гоголя о самом себе. В мифопоэтической интерпретации Ремизова образ гоголевского Вия восходит к звукосемантике украинской песни «Ой, у поли могила...», что обусловило природу «обморачивающего» стиля Гоголя.

Ключевые слова: звукосемантика, мифопоэтика, реминисцентный фон, паронимическая аттракция, феноменологическая рефлексия.

Ремизов воспринял идеи синтеза художественных сознаний и верил в особую силу иррациональных методов познания – интуиции, ассоциативных проекций, предчувствия – а потому никогда не испытывал иллюзий по поводу полной аутентичности понимания предшественника. Примером такой феноменологической рефлексии являются эссе, посвященные повести Гоголя «Вий». Мифогенный потенциал повести и сама попытка литературного переложения фольклорного сюжета необычайно привлекали Ремизова, известного своими реконструкциями фольклорных реликтов. Попытки переписывания этой гоголевской повести предпринимались им неоднократно, о чем свидетельствуют существующие версии: 1) очерк «Без начала», опубликованный в газете «Последние новости» (ПН, 1935, 25 декабря, № 5389); 2) фрагмент «Случай из Вия», включенный в роман «Учитель музыки»; 3) эссе «С пьяных глаз» и «Сверкающая красота» из книги «Огонь вещей». Они печатались в эмигрантской периодике, а отдельные фрагменты были включены в книги «Учитель музыки» и «Иверень», «В розовом блеске» (Ремизов активно работал над ними в последние годы жизни). Воспринятые Ремизовым однажды гоголевские темы не исчезали, а многократно преломлялись, видоизменялись и снова повторялись, поэтому проследить стилевые метаморфозы Ремизова возможно только в синхроническом диапазоне, рассматривая все написанное писателем о Гоголе как единый текст. Г. Адамович не без основания заметил, что «К Гоголю у Ремизова отношение особое, и не только к языку его. Ни о ком другом не говорит он с таким восхищением и даже трепетом: «гений», «магия», «оркестр» – эти слова у него сбережены для Гоголя, без единой отрицательной оговорки. Нет сомнения, что величайшее явление нашей литературы для Ремизова – именно Гоголь» [1, с. 101].

В творчестве А. Ремизова появляется совершенно новая интерпретация гоголевского «Вия» и самой личности писателя, рожденное творческой интуицией писателя. Ремизов вскрывает и эксплицирует психологические и эротические коннотации гоголевского образа, его «дионисийские» атрибуты. «Вий» в восприятии символиста Ремизова – персональный миф Гоголя о самом себе, свернутый в слово.

В книге «В розовом блеске» образ Вия включен в экзистенциально-эротический образный ряд: «гоголевский Вий – для живого нормального трезвого глаза, не напуганного и не измученного, <...> «пузырь с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионьих жал, на которых черная земля висела клоками», никогда никакой не Вий с железным пальцем, нет, никогда не это, а все-все, что можно себе представить чарующего из чар, вот оно-то и есть душа жизни» [8, с. 201].

Уловив очевидные эротические коннотации символа «Вий», Ремизов раскручивает рефлексию от метафорического созвучия Вия вихрям и метелям к любой форме одержимости – безумию, или творческому экстазу, или, что особенно важно, – любовной страсти. Вспомним, что гоголевский герой боится именно «страсти», его психологическое переживание от видения обнаженной русалки выражено лирически: «Наяву ли это или снится? ... Ветер или музыка: звенит, звенит, и вьется, и подступает, и вонзается в душу какою-то нестерпимо трелью...» [2, с. 182]». А когда приступ страсти все же охватил гоголевского героя, он «чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение» [2, с. 183]. Возможно, что именно эту тайну Гоголя Ремизов разглядел в «вызмеивающейся в вийной страсти подглубинной глуби» [6, с. 114].

В книге «Учитель музыки» Вий обозначен как «сама завязь, исток испод – живое сердце жизни, «темный корень» жизни, земляная, неистовая, непобедимая сила ...» [7, с. 469]. А в эссе «Сверкающая красота» определение символа страсти прозвучит с явным семантическим нажимом: «Вий – <...> живое черное сердце жизни, корень, неистовая прущая сила – вверху которой едва ли носится Дух Божий, слепая, потому что беспощадная, обрекая на гибель из ею же зачатого на земле равно и среди самого косного и самого совершенного не пощадит никого. Вий – а Достоевский скажет Тарантул» [4, с. 101].

Ремизов усиливает художественный прием, сталкивая своих героев с повестью «Вий» именно в пограничном состоянии: «Температура поднималась всю неделю, и читал одну только книгу – перечитывал «Вия» [7, с. 461]. Ведь самому «Гоголю для обнаружения самых исподних взвивов человеческой души необходима температура <...> для Гоголя – всегда – «хvatил лишнее» [7, с. 457]. Ремизов неоднократно отмечал: «Гоголь и Достоевский, чтобы показать человека во всей его природе, подымают температуру: один – горячкой, другой – горилкой» [6, с. 325].

Этот образец паронимической аттракции раскрывает и другую смысловую сторону вийного комплекса – его дионисийскую составляющую. Ремизов иронично замечает: «ведь нигде Гоголь не прибегает так откровенно к своему излюбленному приему – «с пьяных глаз» как в «Вии», чтобы показать нечто скрытое от «трезвых» глаз...» [7, с. 462]. Одной из отличительных стилистических доминант Гоголя являлась, по мнению Ремизова, его способность «напустить туман, напоив нечистым зельем» [4, с. 98]. Вспомним, что эссе о Гоголе Ремизов называет «С пьяных глаз». Пересказывая на свой лад сюжет повести «Вий», писатель занимается винной бухгалтерией: в первую ночь Хома выпил «добрую кружку горелки», во вторую ночь уже «кварти горелки», а перед третьей – «кварти горелки», после чего еще «не много не полведра сивухи» [4, с. 99], доказывая таким образом, что все ночные видения философа были исключительно «с пьяных глаз». Ремизову-символисту было присуще романтическое представление о родственности природы безумия и опьянения, творчества и страсти, он сплетает в своем «вийном» словесном узоре «взвивы» вихрей и «вывихи» души» с ее дионисийскими порывами.

В эссе «Сверкающая красота» озвучена еще одна тайная (с позиций Ремизова) мысль Гоголя. Рисую опьяненного и охваченного страхом* философа, который пел, «надрываясь голосом рассеять страх, а этот страх сковал его с открывшейся ему виной» [4, с. 120], Ремизов незаметно подменяет винную природу страха чувством открывшейся философу вины, когда панночка «посмотрела на него закрытыми глазами, и из-под ресницы ее правого глаза покатила не слеза, а капля крови» [4, с. 102]. С точки зрения Ремизова, вина философа перед панночкой заключается в том, что тот посмел «наперекор ее воле смертельно прикоснуться к ней» [4, с. 102] в волшебную ночь полета.

*Заметим, что в тексте Гоголя в описаниях первой ночи страх еще не явно выражен, а назван «остатки боязни»: Хома Брут высоким голосом «начал петь на разные голоса, желая заглушить остатки боязни» (Гоголь, Т. 2. с. 207).

Вспомним, что в описании последней ночи Хомы Брута Гоголь использовал характерные лексические повторы: в храме «тишина была страшная»; «со страхом перекрестился он и начал петь»; и мертвец был «еще страшнее»; и «зубы его страшно ударялись»; и раздавался «страшный шум от крыл» чудовищ. В ремизовском эссе «Сверкающая красота» допущена намеренная авторская вольность: «Обезумев от страха, философ подгрудным голосом, как во сне и в исступлении, не различая букв, перепутав строчки и забыв все псалмы, не кричал уж, а давясь, дико выл, выывая: «Ой, у поли могыла» [4, с. 102]. Ремизовская звуко-символика, проявляющаяся в нагнетании «ы» в ударных позициях («забыв», «псалмы», «выл», «могыла»), а также в нарочитом аллитерировании на «в» («выл, выывая»), предвосхищают появление заглавного героя, имя которого на украинский лад звучит как «Вий».

Упомянутая Ремизовым украинская песня «Ой, у поли могыла», по сообщению первого гоголевского биографа П.А. Кулиша, была в списке фольклорных фаворитов писателя [3, с. 177–149]. Текст песни мог быть известен Ремизову через его жену С.П. Довгелло, которая родилась и выросла в Черниговской губернии и знала множество украинских песен. Сам Ремизов признавался, что именно из-за «Вия» он полюбил Гоголя и принял «с восторгом высокопарное Гоголевское слово в серебре польского пышного наряда и грозно-задумчивую украинскую песню» [6, с. 120].

Ремизов, как и другие символисты, считал, что Гоголь в повести «Вий» реконструировал народный миф, следы которого обнаруживаются в фольклорно-этнографических материалах белорусско-украинского Полесья. Пропустив через смысловую призму украинской песни «Ой, у поли могыла» гоголевский заглавный образ, Ремизов воспринимает его как свернутый миф.

В песенном нарративе подземный, замогильный голос говорит с ветром и просит принести дождь, чтобы могила покрылась зеленым травяным ковром, как степь при дороге. Приведем текст песни в сокращении из сборника В.А. Максимовича, собирателя украинских песен и друга Н.В. Гоголя:

*Ой, у поли могила з витром говорила:
«Повий, витре, ты на мене, щоб я не чорнила.
Щоб я не чорнила, щоб я не марнила
Щоб на мени трава росла, да щей зеленила!»
И витер не вие, и сонца не гриє,
Тольки в степу при дорози трава зеление» [9, с. 168–169].*

В фонетическом потоке песни едва ли не самым частотным созвучием оказывается имя гоголевского персонажа «повий, витре», «витер не вие». С точки зрения Ремизова-символиста, магия переливающихся звуков имени «Вий» могла стать источником гоголевского художественного воображения, поскольку песенные повторы – одно из мощнейших средств музыкального внушения. Образные ассоциации, навеянные контекстом украинской песни, стали источником дальнейшей мифопоэтической интерпретации для Ремизова. Как известно, писатель был эрудитом в области славянской мифологии и отлично знал, что Вий – это служитель Чернобога, представитель «навъего» подземного мира. Подземное происхождение гоголевского героя слишком очевидно*: «Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землей ноги и руки» [2, с. 196]. В славянской языческой мифологии Вий – предвестник смерти и повелитель различных демонических стихий, а его появление сопровождается вихрями и метелями. Вспомним, что у Ремизова метели звучат «мусоргским взывом», что восходит, с одной стороны, к литературно-музыкальному циклу Голенищева-Кутузова и Мусоргского «Песни и Пляски смерти», а с другой стороны – к Блоку, к его «Песням судьбы» и «Пляскам смерти».

Подтекст указанной Ремизовым песни связан с ритуально-обрядовым смыслом вегитативной магии: могила просит о том, чтобы она «не чернела, не марнела». Ремизов,

*У Гоголя мотив подземного хода часто связан с мотивом смерти: так, в «Старосветских помещиках» именно через подземный ход пробрались коты, похитившие кроткую кошечку; через подземный ход татарка уводит Андрия в «Тарасе Бульбе».

безусловно, знал что в календарно-обрядовых текстах с Виём всегда связаны представления о сезонных умерщвлениях природы. В данном случае значение глагола «марнеть» связано с действием мифологического персонажа Моры-Мораны, жены Чернобога, или богини смерти. Само слово «могила» этимологически восходит к «мгле», что семантически близко к «мраку», «моробе». Ремизову как автору «Посолони» был хорошо знаком феномен воплощения мифа в слове. В лексическом строе украинской песни Ремизов обнаружил реликты славянской мифологии, что позволило ему раскрыть дополнительные смысловые оттенки гоголевской повести. Ночные видения Хомя Брута у гроба панночки Ремизов прямо называет «мороба, застилающая глаза пеленой» или «обманывающая гиблая мороба» [7, с. 141], подразумевая семантико-символические параллели «мороба» – «марево» и «мгла» – «могила».

В эссе «Природа Гоголя», завершающем ремизовский цикл о Гоголе, цитируются «Опавшие листья» В. Розанова: «Никогда более страшного человека ... подобия человеческого не приходило на нашу землю» [4, с. 198]. Далее Ремизов называет «бесподобной» розановскую мысль о «подобии человеческом», потому что еще ранее он сам создал миф о подобии человеческом – Кикиморе, озорном болотно-лесном существе с грустной «живой мечтой человеческой» (этот миф стал сквозным в ремизовской прозе). Розановское высказывание о Гоголе как о «подобии человека» Ремизов повторит в некрологе о Блоке, которого считал лунным братом Гоголя: «Блок вроде как не человек» [5, с. 221].

Заметим, что эссе «Тайна Гоголя» является дословной перепечаткой юбилейного эссе, которое в первой редакции называлось «Кикимора» и было опубликовано в берлинской газете «Руль» (1922. 21 сент., № 551). Ремизов соотносит мечты Кикиморы о вочеловечении с религиозными исканиями и думами о «настоящем человеке» Гоголя. Символистский миф о Кикиморе преломляется в металитературный миф о Кикиморе, которой «зачарована вся русская литература»: «И нет никого чудесней и смехотворней, и чары ее смех. – Эти чары – Гоголя» [4, с. 196].

Для Ремизова тайное имя Гоголя – Кикимора. Ремизов устанавливает звуко-символическую связь Кикиморы с языческой богиней Морой, разлагая на слого-смысловые атомы слово «Кикимора»: «Ки-ки-мора: ки-ки-хи-хи – смех, Мора – мор – морана – мара – наваждение – чары» [4, с. 195]. Ремизов подбирает слова по слуху: семантическое ядро слова для него производно от его звуковой оболочки, поэтому в символистском лексиконе писателя «обморачивание» связано с действиями черной богини Моры, напускающей туман и чары, вызывающей «мары» (бел./укр.) – мечты. В поэтике Ремизова «обморачивание» генетически связано со сновидением-мечтой-наваждением. Ремизов уверен, что именно сны – источники гоголевских сюжетов. В ремизовском мифе о Гоголе-Кикиморе акцентирована мечта классика о «живой душе» и «вочеловечении», но при этом доминирует мотив «заклятости волшебными чарами», обусловивший и «обморачивающий» (т. е. уводящий в сферу мечты) гоголевский стиль.

Вживаясь в ткань гоголевского текста, Ремизов обнаруживает в нем проявления неосознанной метанойи (внутренней исповеди), которые дают интерпретатору ключ к построению собственной версии гоголевского мифотворчества. Так, отталкиваясь от мотивов метели, взрывов ветра и завихрений, имеющих переносные значения бесноватости и экзистенциальных порывов, Ремизов концентрируется на мифологическом образе Вия, который – благодаря песенной интерпретации – становится воплощением «жизни-смерти» и проводником древнеязыческой Моры. С ней Ремизов связывает особенности «обморачивающего» стиля Гоголя, а затем напрямую соотносит стиль и жизнь, омонимически отождествляя их: творчество Гоголя – сплошная «умора», а смерть к нему пришла, потому что он «уморил себя голодом» [4, с. 159]. В эссе «Сверкающая красота» Ремизов будто перевоплощается в гоголевского героя-философа Хомя Брута и, дико завывая песню «Ой, у поли могила...», видит «смертельно оскаленную Гоголевскую моробу» [4, с. 141].

Список использованной литературы

1. Адамович Г. Одиночество и Свобода: литературно-критические статьи / Г. Адамович. – СПб.: Logos, 1993. – 224 с.

2. Гоголь Н.В. Вий / Н.В. Гоголь // Полное собр. соч.: в 14 т.. – М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1937–1952. – Т. 2. – 1937. – С. 175–218.

3. Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. Т. 1 / П.А. Кулиш. – СПб.: Типография Ю. Штауфа, 1856. – 303 с.

4. Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье / А.М. Ремизов. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. – 368 с.

5. Ремизов А.М. Петербургский буерак / А.М. Ремизов // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 2002. – Т. 10. – 592 с.

6. Ремизов А.М. Иверень / А.М. Ремизов // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 8. – 704 с.

7. Ремизов А.М. Учитель музыки. Каторжная идиллия / А.М. Ремизов. – Paris: La presse libre, 1983. – 575 с.

8. Ремизов А. В розовом блеске / А. Ремизов. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. – 422 с.

9. Максимович М.А. Украинские народные песни / М.А. Максимович. – М.: Университетская типография, 1834. – 180 с.

Статтю присвячено інтерпретації О. Ремізовим гоголівського образу, згідно з якою Вий – це персональний міф Гоголя про самого себе. У міфопоетичній інтерпретації Ремізова образ гоголівського Вія сходить до звукосемантики української пісні «Ой, у полі могила...», що обумовило природу «обморачиваючого» стилю Гоголя.

Ключові слова: звукосемантика, міфопоетика, ремінісцентний фон, патронімічна атракція, феноменологічна рефлексія.

The article deals with A.Remizov's reception of the story «Viy» by N. Gogol. Mythopoetic interpretation of the motif proposed by Remizov connects it with the concepts of possession, demoniac power and creative intoxication. According to Remizov the Ukrainian song «There's a grave in the field...» contains the central images and sounds used by Gogol in his story.

Key words: phonosemantics, mythopoetics, reminiscence background, paronymic attraction, phenomenological reflexion.

Надійшло до редакції 30.06.2011.